

*90-летию
Вадима Туманова*

мгдо

сов" то не
"Слегка"

из "не молодой"
или "не "Знаменитый"

Молодой

не молодой
и видно не
"Знаменитый"

ПЕТР ДЬЯКОВ

В ПОГОДУ
И В НЕНАСТЬЕ

МАГАДАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОХОТНИК»
2017

Восток
Южная
Полоса
Север

Горы
и реки

Мак
"Север"
КЕЖЕ
ме

ББК 84(2=411.2)6-5
Д93

Дьяков П.

Д93 В погоду и в ненастье : стихи / Петр Дьяков ; предисл. А. Ермолаевой. – Магадан : Охотник, 2017. – 79 с.

ISBN 978-5-906641-29-8

Стихи, составившие эту книгу, написаны более полувека назад и несут в себе черты своего времени. Во многом судьба их автора повторяет и судьбы многих его современников.

Петр Дьяков родился в донской станице Глубокая. Он не успел окончить институт железнодорожного транспорта в Ростове, когда был арестован и получил 10 лет по статье 58-10 – «контрреволюционная агитация». Было ему тогда всего 19 лет. Петр попал на Колыму, в лагерь «Челбанья».

В заключении писать не бросил. Стихи не записывал, а хранил в памяти. В лагере память ээка – единственное его имущество и единственный надежный тайник. Освободившись в 1955 году, остался в Сусумане нормировщиком на прииске «Челбанья». Затем в золотодобывающей артели «Прогресс» у Вадима Туманова.

Его стихи ни разу не публиковались. До нас дошли лишь тексты, воспроизведенные с ветхих машинописных листов и сбереженные Вадимом Тумановым.

Стихов о лагерях Дьяков почти не писал, нет и попыток осмысления своего жизненного опыта в ходе истории России. Он как будто нарочно уходит от этого, концентрируясь на красоте мира, вышки и колючую проволоку, оскверняющие этот мир, он игнорирует. Поэзия Дьякова глубоко лирична, а порой даже наивна.

Петру Дьякову выпала не самая долгая, лагерем исковерканная с юности жизнь и печальная участь пережить самых близких – жену и приемного сына. Но эта книга есть продолжение его жизни, свидетельство духовного состояния человека эпохи.

ББК 84(2=411.2)6-5
Д93

ISBN 978-5-906641-29-8

© Дьяков П., 2017
© Издательство «Охотник», 2017

РЯДОВОЙ НОРМИРОВЩИК И НЕЗАУРЯДНЫЙ ПОЭТ

Казалось бы, за столько лет, прошедших со времен сталинских лагерей, опубликовано все, что было написано их известными и неизвестными узниками. Уже развалились бараки, затоплены золотоносные шахты, опустели поселки. О лагерях напоминают лишь подгнившие вышки. Однако до сих пор появляются чудом уцелевшие, пожелтевшие от времени, рассыпающиеся рукописи лагерных поэтов и прозаиков. Стихи Петра Дьякова – один из таких примеров.

О жизни Петра Дьякова известно немного, в основном только из воспоминаний его лагерного друга, основателя старательского движения Вадима Туманова. История этой дружбы упоминается Тумановым в книге «Все потерять – и вновь начать с мечты...» в числе остальных головокружительных его дружб. И если бы не это упоминание,

С. Филиппов,
П. Дьяков,
В. Туманов.
1955 г.

никто бы так и не узнал о лагерном поэте Петре Дьякове. Среди лагерных поэтов немало известных имен. Этим людям удалось через поэтический слог донести боль лагерного опыта, и единственными их читателями, а точнее, слушателями, были товарищи по несчастью, соседи по нарам. *«Сколько же среди людей поэтов! – пишет Александр Солженицын в „Архипелаге ГУЛАГ“, – так много, что поверить нельзя. ...Сколько поэтических людей открылось мне в бритой головой коробке, под черной курточкой зэка! А сколько – удержались, чтобы не открыться? А сколько, тысячекратно! – я вообще не встретил? А сколько удушил ты за эти десятилетия, проклятый Левиафан?!?»*

Петр Дьяков родился в донской станции Глубокая. Не успев окончить Ростовский институт железнодорожного транспорта, в 19 лет был арестован. Еще студентом он начал писать стихи, любил Есенина и беззаботно

П. Дьяков

читал и хранил книги запрещенных авторов, за что получил 10 лет по статье 58-10 – «контрреволюционная агитация». В период послевоенных массовых арестов очень многие студенты, молодые люди, начиная познавать мир через поэзию, расплачивались за это долгими сроками. Петр Дьяков попал на Колыму, в лагере «Челбанья» познакомился с Вадимом Тумановым. (Лагерное отделение «Челбанья» было образовано в 1949 году на одноименном прииске в Западном горнопромышленном управлении Дальстроя. – *Ред.*)

В заключении стихов он писать не бросил. Напротив, писал в любой обстановке, на чем придется, либо просто читал, а слушающие запоминали. Стихи не записывали, а читали по памяти. Память зэка – единственное его имущество и единственный надежный тайник от надзирательской вездесущности.

Освободившись в 1955 году, Дьяков уже не вернется на родной Дон, останется нормировщиком на прииске «Челбанья». С Вадимом Тумановым дружбы не прервет, будет работать в его первой золотодобывающей артели «Прогресс».

Его стихи ни разу не публиковались. Поэтов с такой биографией, как у Дьякова, издательства не рассматривали к публикации. Однако, освободившись, он все же предпринял попытку заявить о себе – отправил свои стихи С. Наровчатову. Будущий редактор «Нового мира», известный поэт-фронтовик, Сергей Сергеевич Наровчатов не оценил или не придавал значения лирическим стихам молодого автора. Тем не менее письмо его без ответа не оставил и посоветовал лишь отказать от подражания Есенину и брать пример с певца революции Маяковского.

К сожалению, многие стихи Дьякова не сохранились или не были записаны. Имеются лишь тексты, воспроизведенные с ветхих машинописных листов, сбереженных Вадимом Тумановым, а также с его слов. *«Все годы, которые мы провели вместе, были согреты созданным Петькиным воображением, выраженным в его стихах иллюзорным миром, в который он всех нас постоянно приглашал»,* – вспоминает В. Туманов.

Стихов о лагерях Дьяков почти не писал, и попыток осмысления своего жизненного опыта и хода истории России в его стихах тоже нет. Он как будто нарочно отмежевывается от этого, концентрируется на красоте Божьего мира, вышки и колючую проволоку, оскверняющие этот мир, он игнорирует, они растворяются, уходят. Строк «на злобу дня», как советовал ему писать Наровчатов, у него тоже нет. Поэзия Дьякова проста и лирична, иногда наивна и трогает душу. Дьяков – один из первых воспевателей Колымского края, красоты природы тех мест. Мало кто сумел сохранить любовь к этому ландшафту, губительному, чужому и такому далекому от родного дома.

Маленькое воспоминание о встрече с поэтом оставил писатель-фронтовик Виктор Урин в своей книге «По колымской трассе – к полюсу холода», изданной в 1959 году в Магадане. *«Нормировщик с „Челбаны“ Петр Дьяков, если только вы пойдете с ним в сопки, будет с трогательной нежностью обращать ваше внимание на то, как кипит зелень, омытая недавним дождем. Он скажет, что воздух настоян на аромате хвои и трав и дышать им надо умеючи, с наслаждением и непременно с улыбкой. Я слушал Дьякова, и казалось мне, что только теперь по-настоящему начинаю понимать характер истинного колымчанина.*

– Я родился на Дону, – говорил Дьяков. – Очень люблю шолоховские берега своего детства, но, поверите ли, в прошлом году приехал в отпуск, так не дотянул и месяца – заскучал по Колыме. А там мне просто зацепиться не за что – голая равнина, не то... А тут...».

Нужно в
юности понять
самую победную
округловатость чуж?

Становясь на молодость завистлив-
На моём кусту уже снежок...
Где же прелесть трав-мох и листьев ?
Где моя округловатость щёк ?

Удачи не
применяется

В эту тайну, мудрость, простоту,
Протестуем умом проник
И поняли, что как не протестуем,
Застывает чувств моих родник.

и не может быть!

Ухожу в далёкие распадки,
Где на сопках мхи и сухостой,
А внизу дурманящий и сладкий,
? Листичкиных запахов, настой.

Голубым ужом в дашине река
Вижу извивается слегка.
А по небу, беднее овечки,
Тянут к водопоя облака.

Раз "Ужом" то не
"Слегка".

С трупом на земном холодном теле
Оседают под ногами мхи.
Лечь бы здесь и выспаться в постели,
В полах белой ягельной дохи.

Так не бывает:
"Светит в зарницу"
Куда там, где вернёт
месяц

Лечь бы здесь и видеть, как зарница,
Замыгает над лесной грядой,
Там где встанет месяц уволоний,
Как и я уже не молодой.

Раз "не молодой"
Значит не "Уволоний"

Но покой не даёт стремленье
Видеть, слышать, чувствовать и петь.
Ведь не прожил по другому день я
На Великой Жизненной Тропе.

Молодой

не молодой,
как видно не
"Уволоний"

В 1970-х Петр женился, с женой Галей они взяли на воспитание мальчика. Переехали жить в Москву. Галина вскоре скончалась от рака. Мальчик тоже умер. А Петя стал пить горькую с горя и умер в возрасте пятидесяти двух лет.

Из книги В. Туманова «Все потерять – и вновь начать с мечты...»:
«Однажды мы идем с Петькой по лесу. Полярные осинки небольшие, мы переступаем через лужицы и видим на берегу ручья срубленное дерево. „Какой же гадости понадобилось ее рубить?“ – удивлялся я. Пока собираю валежник на костер, Петька присаживается на пенек, быстро пишет на тетрадном листке.

*Тишина... Небес весенних синька,
У реки зеленых ив прибой.
Кем ты, кем ты срублена, осинка?
Кто так надругался над тобой?*

...Хоронили в осенний день. Яма, в которую опускали гроб, была полна воды, к крышке гроба прилипли золотые листья. „Кем ты, кем ты срублена, осинка...“ Стихи Петьки – единственное, что после него осталось».

Возможно, когда-нибудь имя Петра Дьякова войдет в одну из антологий лагерной поэзии. Поэзия в лагере – это явление, доказательство возможности жизни там, где она на исходе. Поэзия лагерника – это «поэзия под плитой, правда под камнем», по меткому выражению Солженицына. Если сохранятся стихи – сохранится и память о тех, кто их написал. Ведь человек жив, пока его помнят.

Алена Ермолаева

***

Высоко в туманном поднебесье,
Чуть пониже облачных полей,
Раздаются клеточные песни
Еле видных глазу журавлей.

Улетают, говорят, далеко
Эти птицы от холодных вьюг
И морозов Северо-Востока
В сентябре неласковом на юг.

И всегда, в погоду и в ненастье,
Я спешу, чтобы на них взглянуть,
Пожелать им истинного счастья
И обратный с юга добрый путь.

Их стремленье к югу вековое
Мне понятно в зябком сентябре.
Ведь не зря листовянки плачут хвоей
И ложится иней на заре.

***

...А жизнь бежит. Но нет того в груди
И в сердце прежнего ни капли не осталось.
А жизнь спешит. И, видно, впереди
Не радость, не печаль, а страшная усталость.

Быть может, обманулся я в тебе.
Ты, юность, обещала мне так много,
Но я отдался целиком судьбе
И вышел в жизнь. Но пыльная дорога...

1944

***

Проплывет золотистой нартой
В тундре неба печально луна.
Я сыграю последнюю карту
И уйду в край покоя и сна.

Но, пока дней тасуя колоду,
Как игрок, буду вторить: «Держись!»
Пусть неласково, с полымя в воду
Опускает, как пасынка, жизнь.

***

Ты умеешь мило строить глазки,
Ты меня почти с ума свела.
Ты была, но радости и ласки
Для меня тогда не принесла.
И ушла, совсем ушла к другому
Ты, который, видно, люб,
Отдавая снова дорогому
Прелесть глаз и половодье губ.
И наверно весело и мило
Обо мне расскажешь ты ему:
«Я с ним только ветрено дружила,
Я тебе покорна одному».
Дорогая сволочь, я, как прежде,
Уж тебя вернуться не молю.
Но опять, как раньше, безнадежно
Вспоминаю и тебя люблю.
И, наверно, долго будут сниться,
Представляться в сумраке ночей
Мне твои чудесные ресницы
Недоступных для меня очей.

1945

***

Далеко до первых майских гроз,
До весны.
Оттого ли мне в такой мороз
Эти сны?

Тих в постельном, милая, снегу
Сна покой.
Но тебя я очень берегу
Все такой.

Как и в дни одной твоей весны
И моей,
Те глаза небес голубизны
Голубей.

Губы те – вишневый спелый сок,
Чище рос.
И в осенней прелести лесок
Тех волос.

1950

* * *

Где снегири отпели про любовь –
Опять весной непременно Роза.
В траве ручей утонет голубой,
И расцветет красавица береза.

Ты перестанешь в эти дни грустить,
Другими будут жадность рта и шея.
Ты тоже будешь в эти дни цвести,
Как и береза, чудно хорошея.

Цвети, цвети, пока еще весна,
Пока полны и беспредельно любы
Всем тем, которым будет не до сна,
Твои, мой друг, целованные губы.

Не вечно оставаться в жизни молодым,
Не вечно будет с этим тембром голос.
Придет пора, и свой ковыльный дым
Впутляет время в твой чудесный волос.

Тогда напрасно будем про любовь
Мечтать и грезить, как сегодня, Роза.
Уж коль ручей застынет голубой,
То отцветет красавица береза.

1951

* * *

Я на танцах... Туманные грезы
Проплывают о давности встреч.
Вдруг в кругу появляется Роза
С чудной-чудной прической до плеч.

Вижу я: всех покой уворован,
Смотрят все на нее, как и я.
Как и я, каждый вдруг очарован,
Что-то в сердце своем затая.

А она в вихре модного вальса
Всех стройнее, всех краше лицом.
Кто в нее в этот миг не влюблялся,
Не старался смотреть молодцом?!

Красивее кудрявой березы,
Растуманив свой волос, как дым,
Долго-долго вальсирует Роза,
Всех чаруя лицом молодым.

Долго-долго потом в сновиденьях
Представляется многим она.
После танцев всегда целый день я
Как хмельной, остаюсь без вина.

1951

***

С этим надо просто примириться,
Проводив тоской влюбленных глаз
Птицу, улетающую птицу,
Если промах сделал в этот раз.

Как же так? Но прошлое припомнив,
Не закроешь плотно в память дверь.
Понимаю я, что мы теперь не ровня,
На охотника, как говорят, и зверь.

1954

***

Не будь в сужденьях, парень, тороплив:
Обдумай все и не кричи до срока.
В том, что влюблен я в прелесть трав и ив,
Большого мне не видится порока.

Не спорю, что поэт во всем трибун!
Но ты заметь: поэт, а не сорока.
Ведь люди – общество, а не табун,
На выкриках не выедешь далеко.

Я Музу словно женщину люблю,
А из нее ты хочешь вышколить солдата.
За это Маяковского хвалю –
Он эту бабу вы...л когда-то.

Настроенный, приятен инструмент.
Он слышен ясно, звучен и понятен.
Конечно, если только на момент,
То звук и от колес почти приятен.

***

Почему же, падая и зная,
Что уже иссечен до крови,
Я бежал, как лошадь пристяжная,
В поводу обманчивой любви?
А рысак, товарищ по упряжке,
В пене шерстью яблочной линиял.
Не теряя сбрую, блеск и пряжки,
Пристяжную гордо обгонял.
В стороне кобыла молодая,
Ощувив любовную тоску,
И за этой скачкой наблюдая,
Страстным тембром ржала рысаку.
Даже конюх говорил с улыбкой
За кобылу ревностью хмельной:
«Как бы вместо рысака ошибкой
Не покрыл кобылу пристяжной...»
Жизнь моя – хорошая, шальная,
Радость скачек – хоть таких лови!
Ничего, что я, как пристяжная,
Пробежал на поводу любви.

***

В пятнадцать лет я был совсем иной –
Не мускульным собранием сухожилий.
В пятнадцать лет товарищи со мной
Не как сегодня, помнится, дружили.

И ты (сейчас смотрю я на тебя)
Совсем другое чувствуешь, не зная,
Что некогда обманешься, любя,
Что сон – не явь, действительность – иная.

Еще не время, рано сентябрю
Пройти моим опустошенным садом.
Но я уже глазами говорю –
Пришел сентябрь багряным листопадом.

Тебе пятнадцать, радуйся и пой,
Пока не время плакать и влюбляться,
Ведь ты обманешься, когда пойдешь тропой
В страну людей, перешагнувших двадцать.

***

Я могу влюбиться в дикую березку,
В девушку влюбиться не умею я.
Я могу напиться, как сапожник, в доску
И украсть у счастья ровно ни черта.
Я могу навеять счастья небылицы,
Я могу обиды скоро забывать,
Я могу придумать чудные ресницы
И стихами губы чьи-то целовать.
Женского дыхания не изведав в жизни,
Я на все готовый, мне ведь все равно.
Потому что гадость душу засорила,
Потому что твердо верю я в одно:
Что пройду по жизни никому не нужный,
Просмею, проплачу молодость свою,
Проживу мечтами о сторонке южной,
А умру в далеком и чужом краю.

***

Мы разные, любимая моя.
Ты и мила, и дьявольски красива.
Твоей любви богатая струя
Похожа на течение Куро시오.

А я живу у северных широт,
И пусть, имея страстное влечение,
Ты, Куро시오, сделав поворот,
Другим уносишь теплое течение...

***

Тьмы ночной раздвинув покрывало,
По распадку пламя разлилось.
На хребет лесного перевала
Вышел и... остановился лось.

Дрогнул он, поджав живот поджарый,
И, отпрянув, замер вновь в тени:
Вероятно, принял за пожар он
Новостройки яркие огни.

Сеть узлов собрав под гладкой кожей,
Он ноздрями чуткими всхрапнул
И бесшумно тем же бездорожьем
В тьму ночную снова повернул.

* * *

Его отцом, наверно, волк
Был с верхоянских склонов.
Не ласков он, в нем не умолк
Инстинкт лесных законов.

Со взгляда слушая меня,
Он вовсе не боится,
Ведь искры синего огня
Блестят в его глазницах.

Его тугой, не куцый шаг
Не по-собачьи скорый.
Не заменим он как вожак
Для разнокровной своры.

Суровость скрытая лесов
И что-то, но не жалость,
С трудолюбивой кровью псов
В его крови смешались.

За то, что темную тайгу
И в голод любят звери,
Ему я верить не могу.
И не могу не верить.

***

Иду в таежное жильё...
Апрельский полдень светел.
А в синьке неба, как белье,
Полощет тучи ветер.

Кругом покой и благодать,
Нет мест, как летом, топких,
Окрест далече мне видать
В снегу над сопкой сопки.

Пониже, снег озеленя,
Встал стланик, а в распадке,
Укрывшись в ивах от меня,
Токуют куропатки.

Я представляю кровь бровей
И выгиб красной шеи.
Весной, чтоб полюбиться ей,
Он очень хорошеет.

На куропатке ж ни пятна:
Вся белая, токует.
Не до того, теперь весна –
Полюбит и такую.

И я не снял с плеча ружье
Для меткого удара.
Иду в таежное жильё.
Мир вам, пернатых пара!

* * *

Их четыре. Где в осоках заводь
И ивняк склонился над водой,
В первый раз они спустились плавать
С первою вечернею звездой!

В тишине за ивы доносило
Слабый писк и осторожный крик.
Утка-мать все шорохи ловила
И утят держала у коряг.

А на зорьке кочковатый берег
Их укрыл затишием осок.
И вода собрала бледно-серый
Мягкий пух за травы на песок.

***

Когда навещаю порой Сусуман,
Люблю я смотреть на Морджот.
Он летом с вершины окутан в туман,
А понизу зелен и желт.
Зимой он от яростной стужи продрог,
А осенью – взят ветерком,
Однако на трассе воздушных дорог
Он вроде бы стал маяком.
С дороги виднеются шапки вершин,
И, вспыхнув весенним огнем,
Покажутся глазу следами морщин
Хребтистые складки на нем.
Я верю, я знаю, что скоро и здесь
По рельсам пойдут поезда.
Морджот! Я хотел бы назвать в его честь
Хотя б полустанок тогда.

***

Как славно зеленеет все вокруг
И жадно тянется навстречу зною!
Мне виден сопок серый полукруг,
Окутанный небес голубизною.

Там редкие, как пятна, облака,
Не странники, а северные, наши,
Плывут, переливаясь слегка
То в цвет гуся, то в белый цвет, лебяжий.

В траве зеленой прячется родник,
Поет одно на нотах подголоска,
И тянется вокруг к нему тальник
Да низкая полярная березка.

Все запахи богаты не весной,
Не только лишь подснежниковым маем.
Хорош мой край. Приятен летний зной.
Как не любить наш край, не понимаю!

***

Тополиная грусть у реки...
На лесах в серебре позолота.
У прибоя густой осоки
Поднимаются утки с болота.

Пенно стынет на гальке вода,
Мох по берегу зелен, как озимь.
Голубых паутин провода
Потянула над травами осень.

А кругом, высоко в синеве
Млеют в мареве бурые сопки.
По соломенной цветом траве
Неизвестно кем выбиты тропки.

Шелестит под ногами листва,
В мочажинах вода до колена,
И кружится слегка голова
От болотного запаха тлена.

***

Приятно ли Вам будет, незнакомка,
Не слишком ли неласков я и груб,
Что так пишу, припомнив чей-то ломкий
Нагиб бровей и чью-то прелесть губ?

Мне двадцать пять, я беззаботно русский,
Но радость дней мне не вернет никто.
Тех дней, когда чернильницы на блузки
Ронял я и подсказывал не то.

За это ли, а может, за другое
Меня же в школе, нежно говоря,
Заставили оставить дорогое
И приподнять навеки якоря.

Где с той поры я ни бродил, где ни был,
Умел я в сердце нежность уберечь
Для милых глаз, глубоких, словно небо,
И для кудрей, распущенных до плеч.

Когда утрами чувствовался ломкий,
Не в сердце, нет, а под ногой ледок,
Я не навеял в сердце, незнакомка,
Усталости осенний холодок.

И оттого девически прекрасны
Мне кажутся вершины всех берез.
И оттого весною я напрасно
Схожу с ума от полуснов и грез.

Но не люблю я так весну и лето,
И с этим я, пожалуй, не порву,
Как златокудромилые приметы
Увядших ив и мятую траву.

С того немало песен, пусть незвонких,
Моя душа и пела, и хранит.
Ну, кажется мне, хватит, незнакомка,
Вас занимать. Не так ли? Леонид.

***

Затуманил холод девичье окно,
Расписал по стеклам хитрые узоры.
Я хожу у дома, ожидаю... но
Я уже не вижу ласковые взоры.

Мне она сказала: «Больше не смотрю
На тебя из окон, милый, как бывало».
«Что ж, спасибо, – я ей говорю, –
Ты меня и раньше ведь не целовала».

Помню только губы да веселый смех,
Ну а поцелуи все еще за мною.
Чувств тогда растает непременно снег,
И тогда не будет сердце ледяное.

Просто нам расстаться – нет, не суждено.
Пусть мороз рисует на стекле узоры.
Пусть меня не видишь ты теперь уж... но
Я еще увижу ласковые взоры.

***

Листья падают, падают в грязь,
С неба тучами хмурится осень.
Ты когда мне уже досталась –
Жизнь прошла по тебе сенокосом.

Синеву и безоблачность глаз
Затянули осенние тучи,
Как же так – ты такой досталась,
А сумела еще и помучить?

Лепестковый твой розовый рот –
Как поблекшие листья под зиму.
Надо сделать один поворот
И пройти незнакомо и мимо.

***

У меня на сердце грусть с тоскою льется,
Потому что где-то милая смеется.

И не я кудрявый, а кудрявый сивый
В эту полночь будет милый и красивый.

С нежных щек румянец он губами смажет,
И она под ласки все ему расскажет.

Как я глуп, расскажет, как люблю, лаская.
Как до ног целую от ее виска я.

Как уже надеюсь на одно я счастье
И что это право лишь сумел украсть я.

Что она мне больше не позволит это....

Пусть петух соседский плачет в час рассвета.

***

Ты, конечно, родная, поймешь,
Что бывает не нужен и нож.
Что без этого рана бывает.
Эту рану, мой друг, не тревожь,
Пусть скорее она заживает...

***

Друг мой милый-милый,
Рад я тебе и не рад,
Не потому, что любила
Многих, как мне говорят.

Рад я тому, что моя ты,
И не расскажут слова,
Как прошлогоднею мятой
Пахнет твоя голова.

Рад, что не вижу красивый
Губ твоих мой виноград,
Глаз твоих спелые сливы...
Друг мой, я рад и не рад.

***

Передо мной лежит письмо любимой...
Зимний вечер льет в окошко свет.
Прошлым невозвратным одолимый,
Я пишу ей на письмо ответ.

И доньше помню хорошо я
Наших прошлых встреч желанный мед.
Но скажу тебе я про письмо чужое,
Про письмо твое и не твое.

Ты, наверно, Зоя, перестала
Встречей нашей близкой дорожить.
Иль не знаешь, как уже устал я
Без тебя, без самой милой жить?

Постарел и очень изменился
Я за это время оттого ль,
Что твой образ столько лет мне снился,
Причиня радости и боль?

Про других и думать не хочу я,
И, как в сердце, – им не место в стих.
Не беда, что мне пришлось, кочуя,
Или видеть, или трогать их.

Все они одной тебя не стоят.
Все, которых трогал и видал,
Потому что в жизни не простое
От тебя, любимая, я ждал.

Не косые взгляды, не жеманство,
Не обнимки и не пьяный чад...
То, что я с улыбкой, с хулиганством
Выпросил и выкрал у девчат.

От тебя я ждал, как от невесты,
Дружбу и любви горячий зной,
Чтоб прошли мы счастливо и вместе,
Может быть, и трудной, но тропой одной.

Но письмо... Оно передо мною,
Говорит совсем другое мне,
Что уйдешь с другим ты стороною
И меня оставишь в стороне.

Я ведь все, что надо, понимаю,
Я тебе и раньше ведь не лгал.
И тебя, за то, что обнимала
Не меня, ни разу не ругал.

Жаль, что ты пройдешь по жизни мимо,
Омрачишь мне столько лучших лет...

Предо мной лежит письмо любимой.
Предо мною на него ответ.

***

Где ты, радость моя? Без тебя нет покоя!
Без тебя и веселая жизнь не мила.
Этой ночью припомнил тебя я такую,
Зоя, Зоя, какой ты когда-то была.

Вечер вспомнился мне и кусты те босые,
Что у вашего дома росли в стороне,
И твои в полутьме непонятно косые
И лукавые взгляды припомнились мне.

Это было давно, это было весною,
Заросло это время разлукою лет.
Отцвело это место не вместе со мною,
И не я, а другой мял, любимая, цвет.

Это было давно, как давно это было!
Помнишь, я говорил за босой резедой:
«Та звезда – не звезда, а ночное светило».
Это ты мне была и осталась звездой!

Дважды в год глухари на бору не токуют,
И березка ничья дважды в год не цвела.
Оттого никогда не найти мне такую,
Зоя, Зоя, какой ты когда-то была.

* * *

«Молодой, с седыми волосами,
Выставив зубов красивый ряд», –
О себе не раз я слышал, сами
Многие с надеждой говорят.

Говорят о прошлом этой фразой,
Мол, была красивая беда,
Забывая то, что чистой грязи
В жизни не бывает никогда.

***

Ты ли это, ты ли так сидишь не весел,
На руку печально голову повесил?

По глазам я вижу, ты привык не к пиву,
А к тому, что клонит, словно ветер иву.

Ты привык, я знаю, к спирту или бражке,
Этим самым мнешь ты воротник рубашки.

Оттого и волос твой уже не вьется,
А в глазах тоскливый холодок колодца.

Не тоскуй! Я знаю, как лекарством рюмки
Лечатся печали и другие думки.

***

В черемуховой тени
Чуть слышны голоса:
«Нет чище голубени,
Чем у тебя глаза.
А губы, словно с вишен,
Твои собрали цвет».
И смех ее чуть слышен,
Воркующий в ответ.
Черемуха без ветра
Роняет кружева,
Покоится на ветвях
Уснувшая листва.
И он целует в губы,
Ему шестнадцать лет.
«Какой ты, право, грубый,
Совсем измял берет.
А нам ведь вновь учиться.
Осталось сколько дней?»
На выгнутых ресницах
Лукавое у ней!..

Таким я был когда-то.
Теперь я стал другой.
Я слышу запах мяты,
Забывтый, дорогой.
Ладони ей на плечи
Я, положив, молчу.
«Какой чудесный вечер...
Целуй, ведь я хочу!»
И я ее целую,
Но нет того уж, нет,
Как в пору золотую,
В мои шестнадцать лет.
Мне поцелуй – отравка,
И мы молчим не в лад,
Но вижу не лукавый,
А требующий взгляд.

Давно забыв о светлом,
Она лицом светла –
Черемуха без ветра
Ее уж отцвела.
Опустошенным садом
На берег мутных вод –
Она, темнея взглядом,
Тоскует и зовет.
И я, устало плечи
Склонив к ее плечам,
Твержу безвольно речи,
Присущие ночам.
Я не с того ли сада,
Не так ли мят и пуст?
Цветами листопада
И мой зажегся куст...
Наперекор себе я
И радость, и беду,
Глазами голубея,
Хочу, тревожу, жду.
Чтоб, за плечо мне глянув,
Прижалась бы щекой...
Как скоро люди вянут...
Я стал совсем другой.

***

Я не завидую уже
На красоту теперь другую,
Бросая юность на меже
Неповторимо дорогую.

Прощай, подобная заре
Любовью только и немая.
Прощай, прощай, мне снятся в сентябре
Застенчивые краски мая!

***

Всю ее на фото, без ошибки,
Кто-то незнакомый перенес:
Тонкую заманчивость улыбки
И полянку светлую волос.

И теперь, далекий ей, наверно,
Я смотрю в лукавые глаза:
Не сравнить мне их с глазами серны,
С ними не сравнится бирюза!

И милее мне не встретить взгляда,
Пусть глаза есть лучше у других –
Черных, карих – никаких не надо,
Кроме этих синих, дорогих.

***

Где сентябрь склонил нагие ивы
И сережки намочил водой,
В сонный омут тихого залива
Загляделся месяц молодой.

Ветерок предутренный листает
В ольхах уцелевшие листья.
Вдруг стекло затона уток стая
Камнями разбила с высоты.

Плеск улегся. И через минуту
На курки я медленно нажал,
Оросив свинцом затон и уток
Так, что ветер рябью задрожал.

Зорька омут тихого залива
Красит розоватую водой.
В пенный кипень тучи торопливо
Уплывает месяц молодой.

***

Прощай, любимая, прощай надолго, навсегда ль.
Не грустно мне такое расставанье.
Я мой покой с тобой отправил вдаль.
Как говорят обычно – до свиданья.

Но если мы расстались навсегда,
То, значит, радость всю уже я прожил.
Ну что ж!.. Ты будешь ближе мне тогда,
Милее, недоступнее, дороже...

Мы расставались издали, без слов,
Мы, как обычно делают, не лгали.
Прощай, моя последняя любовь,
Прощай! Прощай надолго, навсегда ли?

БАБЫ

Посвящаю Дьякову

В магазине у прилавка
Баб и девок масса.
Крики, вопли, брань и давка
За два кило мяса.

Дорогие половины,
Напирая рьяно,
Рвут с весов и рук у Тины
Ключья от барана.

Пепелят друг друга взглядом.
Грязь на мордах потных.
Разнуздавшееся стадо,
Скопище животных.

Для окраски разговора
В нос и в душу дуют.
Неужели эту свору
По ночам целуют?

Неужели им, о Боже!
Дарят шелк на будень?
Поглядите в эти рожи,
Скользкие, как студень.

Нос у каждой красно-раков.
Потом стерва тает.
А дурак, товарищ Дьяков,
О любви мечтает.

17 декабря 1956

***

В руке с фаршированным перцем
Спросил у хмельного хмельной:
«Скажи мне от чистого сердца –
Ты спал с моей, Коля, женой?»

Но Коля ответить не в силах.
«Нет», – брякнул ему наугад.
«Ах, так, получай же по рылу
За то, что ты брезгуешь, гад!»

***

Ты в шутку говоришь не вздор,
А шутку вздорную без смысла,
И потому ты так остер,
Как в середине коромысло.

Нет, ты не смотришь свысока,
Как мне заметил как-то кто-то,
И не валяешь дурака,
А просто корчишь идиота.

***

Что такое любовь? Я не знаю.
Я, верней, не могу объяснить.
Слишком тонкая и кружевная
Этих чувств перепутана нить.

Вечера, и слова, и взгляды,
И неясное все впереди,
Непонятное «что ты, не надо»
И такое ж тотчас «приходи!»

И на завтра опять, и все то же,
И, пожалуй, лишь только за то
Мне казалось твое не похоже
На других и лицо, и пальто.

То была ли любовь? Я не знаю.
Я, верней, объяснить не могу.
Ты была непонятно родная,
Я такую тебя берегу.

Я теперь у иной прохожей
Нахожу часто-часто все то,
Как она... на тебя похожа
То лицом, то покроем пальто.

Но напрасно лишаюсь покоя:
Что бы ни было там у нее,
У тебя было все не такое,
Дорогое и только твое.

Что такое любовь? Я не знаю.
Я, верней, не могу объяснить.
Ты была и такой, и иная.
Не распутать, мне кажется, нить.

***

На душе тишина и прохлада,
Тишина и прохлада в крови.
Ничего-ничего мне не надо.
Отцвела, видно, ветка любви.

Я мирюсь с этим сонным покоем,
Пусть не будет пустою кровать,
Где любил я тебя беспокоить,
Приходя до зари целовать.

И готов был, когда б захотела,
Как душою и сердцем ни груб,
Твоего недевического тела
Все почувствовать жадностью губ.

Я мирюсь... Что же делать иначе,
Если взгляд твой в приветях потух?
Там, наверно, без нас так же плачет
На заре у соседей петух.

Дорогой мой знакомый, не надо.
Нет ее, а других не буди...

На душе тишина и прохлада,
Тишина и прохлада в груди.

***

Нет в любви ни счастья, ни покоя!
Вот, связавшись с женщиной одной,
Я душою чувствую такое,
Будто что-то сделали со мной.

Будто я от непосильной ноши
До конца измучен и устал...
Или был я ветрено хорошим,
А теперь таким быть перестал.

* * *

Все уже не в радость, все уже не мило,
Потому что счастье снова разлюбил.

Подружился снова я с тоской да грустью
И иду по жизни, как по захолюстью.

Где же эта радость, где же это счастье,
Почему на сердце у меня ненастье?

* * *

Там, где с неба по-другому луны
На земле тревожат девичий покой,
Я ее считаю самой-самой юной
И, как наши б..., вовсе не такой.

Пусть она, как песня, навсегда отпета,
Пусть она далекой – близкая была.
Мы стояли, помню, часто до рассвета,
Но не помню губ я, ласки и тепла.

И она, как эти, нет, не целовала.
Оттого осталась навсегда другой,
Как тогда, любимой, милой небывало
И неповторимо в жизни дорогой.

* * *

Серебряные дали,
Морозы да метель.
Такую не видали
Вы, знаю, канитель.

Спасибо ей за муки,
Спасибо ей за ложь.
Пусть боль еще разлуки
Во мне остра, как нож.

Кого не покидали?
Любви сгорела ель...

Серебряные дали,
Морозы да метель...

***

Нет желаний, нет стремленья,
Впереди огней не видно.
День проходит... Каждый день я
Провожать привык – обидно.

Ничего не жду другого,
Для чего живу, скажите,
Как сорняк белоголовый
В колосистом спелом жите?

***

Лежит ее письмо передо мной,
Ее рукой измятая страница.
Его читая, думаю я вновь,
Что радость та уже не повторится.

Она мне пишет, что теперь была б
Согласна встретиться... Смешная недотрога.
Да ведь у нас теперь хороших баб
Так развелось, так населилось много!

Я с ними проще встретиться могу,
Чтоб уставать той грустью голубою...
А так тебя дороже сберегу
И так нежнее буду я с тобою.

Мне образ твой навек не позабыть.
Зато не знать, как нынче, мне покоя,
Что ты тогда сумела быть
Далекою и близкою такою!

Мне образ твой навек не потерять.
За все печали милого бывшего
Мне долго-долго будет повторять
Шальная память прошлого без слова.

Ты мне дороже только потому
Всех тех, кого встречал порою,
Что, отдаваясь в дым не одному,
Со мной играла в шутку очень злую.

Я рад письму, и кошка на чердак
Спешит весной, не тронув мышью, я мимо
Других девчат спешу к тебе, чудак,
Неласковой, но и неповторимой.

Я рад письму... Как в знойный день на рожь
Не принесет ни капли влаги тучка,
Вот так, читая там, где врешь,
Клоню колосья радости, красючка.

Ты пишешь мне, но нет, не от любви.
Ты пишешь мне, любимая, – от скуки...
Ну что ж, лови, хорошая, лови
Все, что дается в маленькие руки.

Спасибо, милая, за все, и даже ложь:
Прости, любимая, ведь ты не меньше злая.
Я откровенен и за то хорош:
Грубя – люблю и вспоминаю, – лая!

Нет, не приду, как приходил весной.
Нет, прошлое уже не повторится.
Лежит ее письмо передо мной,
И я целую мятую страницу!..

***

Стих мой, будь теплей и благородней,
Послужи и, счастье, мне само!
Пой, душа и сердце, – я сегодня
Получил от Галочки письмо!

Сердце, пой о той, которой лучше
Не найти, и разум – тоже пой
О любви, в которой сладко мучат
И ведут нехоженой тропой.

Я пишу, полночь тянет в среду,
К окнам темень никнет не дыша.
Сердце, пой, я завтра к ней поеду.
Я ее увижу, пой, душа!

***

Ложится первый снег лебяжьим пухом,
Спустилась ниже неба высота...
Пришедшая в наш край зима-старуха
Напомнила и мне мои лета.

Еще вчера я под ночным покровом
На перекрестке двух больших дорог
В последний раз и радостью, и словом
Твой гордый мир девичества берег.

Не обмануть хотел тогда, нет, что ты!
Под томной звездной россыпью лампад
Я знал уже, что тусклой позолотой
Меня коснулся жизни листопад.

Хотел одно: нетронуту и чисто
Тебя любить и нежить как никто!
За чудный голос и за взгляд лучистый –
За все, за все и даже за пальто.

Но мы расстались... Значит, было надо,
Чтобы ушла другой дорогой ты.
Не всем понятна прелесть листопада,
Когда листва похожа на цветы.

Огонь и пепел – не одно и то же.
И в листопад я вижу – это ложь,
Что, кто любил, уж тот любить не может.
А кто сгорел, того не подожжешь.

***

Что же ты по-прежнему немая
Чувствами, февральская метель?
Где же нежность солнечного мая?
Почему в любви твоей апрель?

Или я и вправду нелюбимый,
Непонятно, милая, тобой.
Почему ты так проходишь мимо
По любви дороге голубой?

Как тебя мне снова растревожить?
Или это, милая, не ложь:
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь?

***

Опустились руки,
И хожу не весел.
Что я в дни разлуки
Голову повесил?
Почему в душе я
Затаил тревогу?
Или хорошее
Нет ее, ей-богу?

Много есть на свете
Красивее милой.
Но немилой нету,
Чтоб с такою силой
Причиняла муки,
До любовных песен,
Чтоб не только руки –
Голову повесил.

***

Языками красными пожара
Вылизаны сопки и луга.
И лежит земля, чернее пара,
Грязной и раздетой донага.

Здесь как будто мхи не зеленели,
Не цвели ни травы, ни кусты.
И глаза-озерки в мертвом теле,
Синие до этого, – пусты.

С грустью я смотрел на пепелище,
А на миг подумал не о нем:
Надо быть душой и телом чище,
Не шутить, любимая, с огнем.

***

Там, за сенокосом,
На макушки ветел,
Как прокралась осень –
Я и не заметил.
Пожелтели ветлы...
А на зорьке синей
Появился в ветвях
Серебристый иней.
И они молчали,
Ожидая вьюги.

Эти же печали
У моей подруги.

***

Красной гроздью спелых ягод
Всходит солнце в час рассвета.
Поседел на сопках ягель.
Золотое бабье лето.

Звонят из лесу синицы
Под лиственный плач тревогу.
Ночью месяц узколиций
Серебрит в реке дорогу.

По кошке брусничных ягод
Табунятся куропатки.
В голубике привкус браги –
И дурманящий, и сладкий.

Травы смяты сенокосом,
Гомон уток в пойме устья.
На заре, как слезы, росы
Оседают на капусте.

Заяц прячет под коряги
Пятна зимней белой меты.
Словно грозди спелых ягод
Всходит солнце в час рассвета.

***

Нет мне друга в жизни, а без друга трудно,
А без друга страшно ночи тосковать.
Сны то входят в душу вязью изумрудной,
То поганой лужей плещут на кровать.

Ночи, мои ночи, проглядел я с вами
Жизни моей радость, молодость мою.
Разменял я чувства грязными словами,
И, как куст осенний, голым я стою.

***

Становлюсь на молодость завистлив –
На моем кусту уже снежок...
Где же прелесть трав моих и листьев?
Где моя округловатость щек?

В эту тайну, мудростью простою,
Протестующим умом проник.
И понял я, что как не протестую,
Застывает чувств моих родник.

***

Загорелась роща, и напрасно росы
Рассевают утром голубую россыпь.
Не вернется юность, если убежала,
Не потушат росы осени пожара.

Облетают листья, облетают листья
На лугу, измятом поздним сенокосом,
Покрывают землю цветом бледнолистным
По-иному в эту золотую осень.

С позолотой в листьях на любой дорожке
Серебра и меди тонкие отливы,
Только не пойму я, почему в сережки
Поздно нарядилась, как невеста, ива.

Только не пойму я, почему у бани,
Где страдой измяты травы сенокосной,
Ольхи и березки молодые вянут,
А цветут поодаль пожилые сосны?

Неужели разное всем дается юность?
Оттого и волос мой уже не вьется.
Рад вам, рад вам, грезы – голубая лунность,
Если закатилось молодости солнце!

***

Каждый в жизни день неповторим,
Будь он в сентябре иль будь он в мае.
Многие мы это говорим,
Сущность этих слов не понимая.

***

Сергею Есенину

Разлюбив родные сени,
Я иду твоей дорогой.
Только ты во всем, Есенин,
Был красивее намного.

Та же ждет меня услуга
И ни капельки не бесит:
Ты повесился у друга,
А меня мой друг повесит.

* * *

Ухожу в далекие распадки,
Где на сопках мхи и сухостой.
А внизу, дурмящий и сладкий,
Лиственничных запахов настой.

Голубым ужом в долине речка,
Вижу, извивается слегка.
А по небу белые овечки,
Тянут к водопою облака.

С хрустом на земном холодном теле
Оседают под ногами мхи.
Лечь бы здесь и выспаться в постели,
В полах белой ягельной дохи.

Лечь бы здесь и видеть, как зарница
Замигает над лесной грядой,
Там, где встанет месяц узколиций,
Как и я, уже немолодой.

Но покоя не дает стремленье
Видеть, слышать, чувствовать и петь.
Ведь не прожил по-другому день я
На Великой Жизненной Тропе.

ТОПОЛЬ

У ключа дорожки чьи-то, тропы ль,
В густостое высохшей травы
Выстилает постепенно тополь
Золотыми плитками листвы.

Облака под ним клубятся пенно,
Где ломает ветки водоем...
Так и мы с годами постепенно
Дар природы ей же отдаем.

Не один ты, тополь, тих и жалок,
Обронив красу своей листвы.
И березка яркий полушалок
Чуть не весь спустила с головы.

Отстоишь в таком убранстве зиму
И нальешь другой листве настой,
Чтобы вечно жить неотразимой,
Той же повторяясь красотой.

***

Тишина... Небес весенних синька,
У реки зеленых ив прибой...
Кем же, кем ты срублена, осинка?
Кто так надругался над тобой?

Ты лежишь в неношеной сорочке
И еще, пожалуй, не поймешь,
Что напрасно набухают почки,
Что ты больше – нет, не расцветешь!

Я немало по свету полазил,
Но не мог я многого понять.
Понял лишь, что кто повален наземь,
То тому, как и тебе, не встать...

СТИХИ ПЕТРА ДЪЯКОВА

Стихи, составившие эту книгу, написаны более полувека назад и несут в себе черты своего времени – его литературных пристрастий в первую очередь. Даже знакомый с поэзией только в границах школьной программы читатель без труда заметит, что автор находится под сильным влиянием С. Есенина, что выражается не только в прямом цитировании знаменитого рязанца, но и в многочисленных реминисценциях – фразовых, образных, интонационных, мотивных. Вот несколько строк – не выбирая долго – из разных стихотворений:

*Где же эта радость, где же это счастье,
Почему на сердце у меня ненастье?*

.....
*...Я знал уже, что тусклой позолотой
Меня коснулся жизни листопад.*

.....
*...Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подождешь.*

Эпигонство никогда не считалось достоинством поэта, а тут к явному подражанию Есенину еще добавляется менее заметное воздействие – поэзии 30-х годов XX века с характерными для нее темами бесхитростных радостей «простого человека» и песенной ритмикой. У лирики послевоенного десятилетия, начиная примерно со второй половины 50-х годов, неважная репутация. На фоне мощной и разнообразной поэзии 20-х, лирики «огненных» 40-х, начинающегося в 50-е и продолжившегося в 60-е годы поэтического бума стихи эпохи первых пятилеток кажутся поверхностно оптимистичными, навивными по содержанию, а по своей поэтике – незатейливыми, оперирующими теми средствами выразительности, которые, по словам Н.Асеева, были в ходу в 80-х годах XIX столетия (еще одна, кстати,

общепризнанно «непоэтическая» эпоха в истории русской литературы).

Действительно, где тут сложность и глубина в этом сплаве плохо сочетающихся элементов – шаблонного любовно-бытового сюжета советской эпохи и городского романа XIX века, дающих в результате эффект уже романа мещанского:

*Я на танцах... Туманные грезы
Проплывают о давности встреч.
Вдруг в кругу появляется Роза
С чудной-чудной прической до плеч.*

.....
*Красивее кудрявой березы,
Растуманив свой волос, как дым,
Долго-долго вальсирует Роза,
Всех чаруя лицом молодым.*

*Долго-долго потом в сновиденьях
Представляется многим она.
После танцев всегда целый день я
Как хмельной, остаюсь без вина.*

Так что же, перед нами книга еще одного графомана, опубликованного только из уважения к его трудной судьбе? Даже если бы это было так, сборник все равно имел бы право на существование – как литературный документ эпохи, как отражение типического во многих чертах внутреннего мира «обычного человека» того времени. Да, несамостоятельность многих текстов, «стих не вовсе гладок» (Лермонтов), «наивность», в конце концов... Однако наивность – не обязательно глупость, в норме она – естественное состояние неиспорченной души, и уж в чем-чем, а в душевной поврежденности поэта обличить невозможно: подражательные стихи Дьякова – это поэзия нравственно здорового человека, в ней нет ни уныния, ни злобы, ни мелко-пошлых мечтаний; эстетический вкус нередко изменяет автору, этический – никогда.

Парадокс заключается в том, что лучшие, оригинальные вещи поэта созданы (может быть, неосознанно, в обход личных поэтических симпатий автора) в стороне от расхожих литературных тенденций эпохи. Не в полном отрыве, но именно – в стороне, а значит, и

вне сферы наиболее сильного влияния штампов. Поэзия 30-х годов вдохновлялась пафосом преобразования – социальной жизни, человека, природы. Поэтическими (и песенными) символами времени стали «Марш веселых ребят» В. Лебедева-Кумача, «Ты по стране идешь» М. Исаковского, «Песня о встречном» Б. Корнилова. П. Дьяков, избегающий социальной тематики, отразил исторические изменения по-своему, негромко, но графически четко и пластически выпукло:

*Тьмы ночной раздвинув покрывало,
По распадку пламя разлилось.
На хребет лесного перевала
Вышел и... остановился лось.*

*Дрогнул он, поджав живот поджарый
И, отпрянув, замер вновь в тени:
Вероятно, принял за пожар он
Новостройки яркие огни.*

*Сеть узлов собрав под гладкой кожей,
Он ноздрями чуткими всхрапнул
И бесшумно тем же бездорожьем
В тьму ночную снова повернул.*

Это ведь почти эмблема – черный силуэт природного существа, застывшего на ослепительном фоне пугающей его своей динамикой и яркостью человеческой деятельности (как весомо это сопоставление: новостройка – пожар!). Замечательна по выверенности «геометрия» текста: две крайние строфы – как две половины того самого покрывала тьмы, центральная – неистовствует огнями и насквозь прошита тройной аллитерацией (поджав – живот – поджарый – пожар). Особенно выразительна та, что выполняет функцию звуковой метафоры, – на «ж»: «жжение» этого звука, ощутимое почти физически, означает вторжение в жизнь природы чего-то нового, возможно, грозящего уничтожением... И как же просто все это сделано – ни вычурных рифм, ни неожиданных метафор, ни... пафоса. Такие стихи врезаются в память и – входят в антологии.

А ведь есть еще и такое «теплое» стихотворение, как «Иду в таежное жилье...», такое трогательное, как «Тишина... Небес весенних

сынъка...». Воздержусь от цитирования и анализа, чтобы не перебивать читателю радость самостоятельного знакомства с этими строками.

Петру Дьякову выпала не самая долгая, лагерем исковерканная с юности жизнь и печальная участь пережить самых близких – жену и приемного сына. Пусть живут его лучшие стихи.

Виталий Пинковский

СОДЕРЖАНИЕ

Рядовой нормировщик и незаурядный поэт. <i>А. Ермолаева</i>	3
«Высоко в туманном поднебесье...»	9
«...А жизнь бежит. Но нет того в груди...»	10
«Проплывет золотистою нартой...»	11
«Ты умеешь мило строить глазки...»	12
«Далеко до первых майских гроз...»	13
«Где снегири отпели про любовь...»	14
«Я на танцах... Туманные грезы...»	15
«С этим надо просто примириться...»	16
«Не будь в сужденьях, парень, тороплив...»	17
«Почему же, падая и зная...»	18
«В пятнадцать лет я был совсем иной...»	19
«Я могу влюбиться в дикую березку...»	20
«Мы разные, любимая моя...»	21
«Тьмы ночной раздвинув покрывало...»	22
«Его отцом, наверно, волк...»	23
«Иду в таежное жилье...»	24
«Их четыре. Где в осоках заводь...»	25
«Когда навещаю порой Сусуман...»	26
«Как славно зеленеет все вокруг...»	27
«Тополиная грусть у реки...»	28
«Приятно ли Вам будет, незнакомка...»	29
«Затуманил холод девичье окно...»	30
«Листья падают, падают в грязь...»	31
«У меня на сердце грусть с тоскою льется...»	32
«Ты, конечно, родная, поймешь...»	33
«Друг мой милый-милый...»	34
«Передо мной лежит письмо любимой...»	35
«Где ты, радость моя? Без тебя нет покоя...»	37
«Молодой, с седыми волосами...»	38
«Ты ли это, ты ли так сидишь не весел...»	39

«В черемуховой тени...»	40
«Я не завидую уже...»	42
«Всю ее на фото, без ошибки...»	43
«Где сентябрь склонил нагие ивы...»	44
«Прощай, любимая, прощай надолго, навсегда ль...»	45
Бабы	46
«В руке с фаршированным перцем...»	47
«Ты в шутку говоришь не вздор...»	48
«Что такое любовь? Я не знаю...»	49
«На душе тишина и прохлада...»	50
«Нет в любви ни счастья, ни покоя...»	51
«Все уже не в радость, все уже не мило...»	52
«Там, где с неба по-другому луны...»	53
«Серебряные дали...»	54
«Нет желаний, нет стремленья...»	55
«Лежит ее письмо передо мной...»	56
«Стих мой, будь теплей и благородней...»	58
«Ложится первый снег лебяжьим пухом...»	59
«Что же ты по-прежнему немая...»	60
«Опустились руки...»	61
«Языками красными пожара...»	62
«Там, за сенокосом...»	63
«Красной гроздью спелых ягод...»	64
«Нет мне друга в жизни, а без друга трудно...»	65
«Становлюсь на молодость завистлив...»	66
«Загорелась роща, и напрасно росы...»	67
«Каждый в жизни день неповторим...»	68
«Разлюбив родные сени...»	69
«Ухожу в далекие распадки...»	70
Тополь	71
«Тишина... Небес весенних синька...»	72
Стихи Петра Дьякова. <i>В. Пинковский</i>	74

Литературно-художественное издание

Петр Дьяков

В ПОГОДУ И В НЕНАСТЬЕ

Стихи

Редактор-составитель:
Алена Ермолаева

Корректор:
Татьяна Фокас

Оригинал-макет, верстка:
Андрей Осипов

Проект осуществлен при поддержке
ОАО «Сусуманзолото»

Редакция выражает личную благодарность
Владимиру Кирилловичу Христову

Подписано в печать 9.08.2017. Формат 140×220 мм.
Гарнитура PT Sans. Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Издательство «Охотник»
685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, 11, офис 402.
Телефоны: +7 (4132) 63-18-15, 66-50-06,
эл. почта: охотник@online.magadan.su
info@hunterpress.ru
www.hunterpress.ru

Отпечатано в типографии «Любавич»
194044, г. Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9